

Цянь Цзиньхуа бросила взгляд на бабушку Лу и холодно произнесла:

— Когда мы разделяли имущество, было составлено письменное соглашение: наш Дашань и Дацзян ничего не берут из семейного имущества, а мама останется жить с третьим сыном. Ежегодно мы будем присылать ей провизию. Это было ваше собственное решение, мама. А теперь вы отказываетесь от своих слов? Ладно, если вы не признаёте это, давайте обсудим всё заново. То, что полагалось старшему и второму сыну, не должно быть урезано ни на копейку. Почему только мы должны терпеть убытки?

— Именно, мама, вы слишком многого хотите, — тут же подхватила речь, и это была не жена Лу Дацзяна, а та самая женщина, которая, сидя на балконе и щёлка семечки, наблюдала за происходящим. — Наша семья и семья старшего брата трудились в поте лица, а третий сын живёт в роскоши. Разве в мире бывает так, чтобы всё доставалось одному?

Жена Лу Дацзяна была ленивой по натуре и, судя по всему, только что встала, услышав шум. В её глазах читалось злорадство.

Жена старосты деревни, знавшая о разногласиях между тремя сыновьями семьи Лу, не хотела вмешиваться в это дело и потому сказала:

— Сестра, вы хотите пересмотреть раздел имущества?

Услышав это, бабушка Лу ни за что не могла согласиться. Её третий сын жил гораздо лучше двух старших, и она ни за что не позволила бы пересмотреть раздел. Она резко поднялась, бросила несколько оскорблений в адрес невесток и в конце концов ушла, понуриив голову.

Цянь Цзиньхуа лишь усмехнулась, не желая продолжать разговор. В это время жена Лу Дацзяна быстро спустилась вниз и, подойдя к ней, спросила:

— Сестра, я слышала от Дацзяна, что Сяомин уже поправился?

Цянь Цзиньхуа хорошо ладилась с этой невесткой. Несмотря на её ленивый характер, та была умной и рассудительной:

— Да, он в доме. Я боялась, что шум напугает его, поэтому попросила зайти внутрь.

Невестка, которую звали Хуан Мэй, улыбнулась и, хлопнув в ладоши, сказала:

— Это действительно счастье после большой беды. Я привезла кое-что вкусное из дома родителей, позже принесу вам.

Сказав это, она поспешно ушла. Цянь Цзиньхуа заметила, что та была в тапочках, и покачала головой, не зная, что и думать о своей невестке.

После возвращения Хуан Мэй дом Сяомина стал оживлённым. Каждый день приходило много гостей, и женщины, собравшись вместе, работали и болтали. Это доставляло Сяомину немало неудобств, так как они любили щипать его за щёки, а некоторые даже обнимали и целовали, что было для него совершенно неприемлемо.

Хуан Мэй была весёлой и общительной. Несмотря на свою ленивую натуру, она пользовалась большей популярностью в деревне, чем Цянь Цзиньхуа. Выходя на улицу, она могла поговорить с любой из десяти женщин. Хотя её замужество было связано с не очень приятной историей, сейчас это уже никого не волновало.

По сравнению с Цянь Цзиньхуа Хуан Мэй и её семья имели больше претензий к бабушке. Лу Дацзян был вспыльчивым и давно был недоволен пристрастным отношением матери, что делало Хуан Мэй более уверенной. Бабушка Лу могла скандалить перед Цянь Цзиньхуа, но не смела делать этого перед Хуан Мэй. Если бы та начала скандалить, это было бы настоящим представлением.

Однажды, когда Хуан Мэй пришла в гости, она увидела, как Сяомин сидит и моет овощи. Её сердце растаяло, и она не удержалась, чтобы не поцеловать его. Увидев, как ребёнок покраснел от смущения, она рассмеялась:

— Что, тётя тебя поцеловать не может?

Цянь Цзиньхуа бросила на неё сердитый взгляд, но не стала ничего говорить. Вместо этого она спросила:

— А где Тинтин и Цинцин? Разве сегодня не выходной?

Хуан Мэй, улыбаясь, обняла Сяомина, не переставая любоваться им. Лу Дашань был тёмным и худым, с большим носом и некрасивым лицом. Цянь Цзиньхуа в молодости была светлокожей, но теперь тоже загорела, и её лицо не отличалось привлекательностью. Однако Сяомин был миловидным, более красивым, чем все дети в деревне, даже её собственные дочери:

— Они ещё спят, такие ленивые.

Раньше Сяомин был глупым, плохо ел, был худым и жёлтым, и никто этого не замечал. Теперь, когда его тело постепенно изменялось под влиянием духовной силы, а глаза стали живыми, он стал выделяться. Хуан Мэй, вспомнив деревенские сплетни, холодно усмехнулась и сказала:

— Этот ребёнок похож на его тётю, и нос, и глаза.

Тётя Лу была единственной дочерью в семье, но отношения с бабушкой у неё тоже были натянутыми. В своё время бабушка хотела выдать её замуж за приданое, чтобы устроить сыновей на работу. Из-за этого тётя Лу сильно поссорилась с семьёй и теперь почти не общалась с третьим сыном, хотя с двумя другими братьями отношения были неплохими.

Тётя Лу была самой красивой в семье. Из всех детей Лу Дашань был самым некрасивым, Лу Дацзян — высоким, но тоже не отличался привлекательностью. Третий сын был неплох, но всё же уступал тёте. Среди братьев и сестёр она была самой выдающейся.

Цянь Цзиньхуа знала о сплетнях, которые распространяла свекровь, но не придавала им значения. Она была уверена, что её муж, Дашань, не поверит этим слухам:

— Именно, Ваньцзюнь всегда любила Сяомина, но сейчас она в командировке, и неизвестно, когда вернётся.

Хуан Мэй поговорила с ней немного, а затем заметила мальчика у двери и улыбнулась:

— Алян пришёл позвать Сяомина поиграть?

У двери стоял худой и тёмный мальчик, сын Ци Чжаоди. Он с любопытством смотрел на Сяомина. Раньше, когда Сяомин был ранен, мать не позволяла ему приходиться, и он не видел своего друга больше месяца:

— Да, тётя, я возьму Сяомина поиграть.

Цянь Цзиньхуа немного беспокоилась, но Хуан Мэй схватила её за руку и вытолкнула Сяомина вперёд:

— Идите, идите. Если кто-то будет вас обижать, скажите мне, я разберусь.

Чжан Голян рассмеялся, взял Сяомина за руку, и они побежали.

Хуан Мэй, видя беспокойство Цянь Цзиньхуа, успокоила её:

— Сяомин уже поправился. Нельзя же держать его всё время дома. Посмотри, он такой послушный, что даже жалко. Мальчики должны шалить, чтобы стать умнее. Не волнуйся, Алян — умный парень, раньше он всегда играл с Сяомином, и ничего плохого не случилось.

Цянь Цзиньхуа вздохнула:

— Я понимаю, но всё равно беспокоюсь. Сяомин теперь может говорить, но он кажется немного замкнутым. Думаю, на него всё ещё влияет прошлое. Боюсь, что если я не буду следить, его обидят.

Хуан Мэй улыбнулась:

— Мне кажется, ты слишком переживаешь. Если ребёнок мало играет с другими, он становится замкнутым. Когда Тинтин и Цинцин встанут, я отправлю их играть вместе. Не позволю, чтобы Сяомина обижали.

Цянь Цзиньхуа лишь кивнула, понимая, что не сможет всегда быть рядом с сыном.

Тем временем Чжан Голян, схватив Сяомина за руку, быстро выбежал на улицу и остановился, с любопытством глядя на своего бывшего подопечного:

— Сяомин, ты правда поправился? Мама сказала, что ты больше не глупый.

Сяомин мысленно закатил глаза, но был рад, что смог выйти из-под присмотра Цянь Цзиньхуа, и просто сказал:

— Я никогда не был глупым.

Чжан Голян рассмеялся, почесал голову и не стал спорить, а спросил:

— Во что хочешь поиграть? Сейчас, возможно, уже можно есть мэнцзы. Может, пойдём соберём?

Сяомин равнодушно кивнул, и Чжан Голян повёл его в горы. Недалеко от деревни Чанвань находился небольшой горный хребет. Горы были невысокими, и на них не водились опасные звери, но у подножия протекала речушка шириной около двух-трёх метров, которая даже в полноводье не поднималась выше колена. Вокруг росло множество ягод.

Сяомин давно хотел подняться в горы, надеясь найти там зверей с духовной силой. Ну, он уже не рассчитывал найти духовных или демонических зверей, но если бы удалось найти хоть что-то с признаками духовности, это уже было бы неплохо.

Однако, хотя в районе деревни Чанвань и были горы, за ними проходила большая дорога. В

горах, кроме кабанов и других обычных зверей, даже волков не водилось.

<http://bllate.org/book/16350/1477688>